

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Пономарев

Диалоги Григория Великого и
легенды о загробной жизни в
средние века

Опубликовано:

Христианское чтение. 1878. № 5-6. С. 783-808.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

Діалоги Григорія Великаго и легенды о загробной жизни въ средніе вѣка.

III ¹⁾.

Развитіе средневѣковой легенды опредѣлялось, кромѣ прямыхъ церковныхъ источниковъ, съ одной стороны, данными классической мифологіи и литературъ и съ другой — остатками языческихъ повѣрій, легендъ, мифовъ, и слѣдовательно прямого отношенія, тѣмъ болѣе, опредѣляющаго вліянія „Діалоговъ“ св. Григорія на средневѣковую легенду (въ качествѣ ея источника) не могло быть ²⁾. Но въ нихъ именно есть одна подробность, связующая ихъ съ позднѣйшими средневѣковыми легендами, — это, правда, незначительная и можетъ быть вовсе ненамѣренная, но тѣмъ не менѣе довольно замѣтная „тенденціозность“, которая проглядываетъ въ разныхъ мѣстахъ сообщаемыхъ ими легендъ, тенденціозность, позволяющая напр. называть по именамъ нѣкоторыхъ лицъ, встрѣченныхъ визионерами во время ихъ блужданій по загробному міру. Такъ о нечестивомъ королѣ готовъ Теодорихѣ, причинившемъ много бѣдствій Италіи и въ частности римской церкви, въ „Діалогахъ“

¹⁾ Первые двѣ главы статьи напечатаны въ 3 и 4 книжкѣ Хр. Чт. сего года.

²⁾ Въ виду этого мы и оставляемъ подробное разсмотрѣніе средневѣковыхъ легендъ относительно ихъ поэтическихъ источниковъ, т. е. тѣхъ разнородныхъ представленій, которыя въ нихъ находятся — это будетъ сдѣлано нами при другомъ случаѣ.

сообщается, что послѣ смерти онъ былъ ввергнутъ въ жерло вулкана—въ адскую пропасть, ввергнутъ тѣми лицами, которыхъ онъ коварно умертвилъ—папою Іоанномъ и патриціемъ Симмахомъ. О Петрѣ, старѣйшинѣ церковнаго чина, умершемъ четыре года назадъ, говорится, что одинъ воинъ, видѣвшій его въ загробной странѣ, нашолъ его скованнымъ тяжелыми желѣзами и повѣшеннымъ внизъ головою, тогда какъ, напротивъ, другой монахъ, отличившійся святою жизнію — удостоился безпрепятственно перейти чрезъ адскій мостъ въ области рай. Такія же подробности сообщаются и относительно нѣкоего Стефана—о борьбѣ за его душу ангеловъ съ злыми духами, относительно Петра монаха, который видѣлъ въ загробномъ мірѣ нѣкоторыхъ знатныхъ людей въ адскомъ огнѣ.—Очевидно, въ подробностяхъ такого рода, какъ бы онѣ ни были незначительно и ненамѣренны со стороны ихъ автора, легенда уклонялась отъ специальной области „видѣній“. Она начинаетъ интересоваться лицами болѣе или менѣе извѣстными, болѣе или менѣе близкими къ современной эпохѣ, заявляетъ симпатіи къ однимъ, помѣщая ихъ въ странѣ блаженства за ихъ святую жизнь и дѣятельность, и осуждаетъ другихъ, посылая ихъ въ адъ за ихъ нечестіе и злодѣянія. Древне-христіанская церковная легенда не знала этихъ чертъ; ни въ легендахъ Огивандскихъ отшельниковъ, ни въ житіяхъ святыхъ и видѣніяхъ мучениковъ — нѣтъ ихъ и не могло быть; тутъ одинъ экстазъ, восхищеніе умомъ и сердцемъ въ горнія страны, полное отреченіе отъ всего земнаго, исключющее всякія симпатіи и антипатіи къ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, или же полное прощеніе всѣмъ, во имя общей христіанской любви, что ни ожидало бы людей на томъ свѣтѣ. Легенды св. Григорія, какъ мы только — что указали, уже не таковы, а тѣмъ болѣе, легенды позднѣйшія (послѣ VI в.), которыя въ данномъ случаѣ прямо къ нимъ примыкаютъ. Въ нихъ указанная черта, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе развивалась, тенденціозность становится главнымъ побужденіемъ къ созданію легенды, подчасъ дѣлается прямымъ орудіемъ, чтобы утратить тѣхъ, кого хотѣло

устрашить монашество, дать кому слѣдовало надлежащій урокъ, внушеніе, или польстить тѣмъ, кому оно благоволило, а иногда подъ прикрытіемъ легенды проводить такія или иныя, но во всякомъ случаѣ далеко не одни душеenasительныя стремленія. Съ другой стороны, изъ церковной легенды переходя въ народную, равно какъ въ произведенія различныхъ средневѣковыхъ поэтовъ, указанная черта—тенденціозность, стремленіе поучать легендой и дѣлать внушенія, скоро разширяется въ цѣлую сатиру, которая бичуетъ всѣхъ безъ разбору, а подчасъ просто потѣшается на счетъ того же самаго монашества, которое въ своихъ легендахъ казнило адскими казнями всѣхъ, державшихъ несогласіе съ нимъ или указывать его уклоненія отъ чистаго идеала (всего чаще — отъ уставовъ) монашеской жизни. Тутъ было широкое поле для сатиры, и дѣйствительно сатира воспользовалась легендой, какъ подходящей формой, и придала ей особое, своеобразное значеніе.

Чтобы наши общія соображенія не оказались голословными, обращаясь къ фактамъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ одну вышеуказанную черту въ отношеніяхъ „Диалоговъ“ св. Григорія къ средневѣковымъ западнымъ легендамъ (конечно, полный обзоръ относящагося сюда матеріала мы не намѣрены дѣлать, да онъ и ненуженъ для нашихъ цѣлей). Слѣдя эту черту въ церковныхъ легендахъ, тотчасъ же встрѣчаемъ „видѣнія“ въ родѣ видѣнія о Теодорихѣ. Замѣтимъ, что и Григорій Турскій рассказываетъ легенду о Теодорихѣ, пользуясь вѣроятно, какъ и Григорій В., однимъ и тѣмъ же источникомъ—устной легендой или народнымъ преданіемъ. У того же Григорія Турскаго (Hist. Franc. VIII, 5) есть другая не менѣе характерная легенда въ томъ же родѣ — объ извѣстномъ королѣ изъ Меровинговъ, Хильперихѣ, который прославился жестокостью и безчеловѣчіемъ и былъ извѣстенъ враждебнымъ отношеніемъ къ церкви и духовенству (Григорій Турскій называетъ его „Нерономъ и Иродомъ своего времени“): легенда сообщаетъ, что когда Хильперихъ былъ убитъ (въ 584 г.), то его братъ Гонтрамъ имѣлъ видѣніе, въ которомъ предъ нимъ пред-

стали три епископа и вмѣстѣ съ ними Хильперихъ, связанный по рукамъ и ногамъ. Двое изъ епископовъ говорили: „оставимъ его, пусть онъ будетъ свободенъ, когда исполнится назначенное ему наказаніе“, но третій рѣзко возражалъ: „нѣтъ, пусть огонь пожретъ его за всѣ его злодѣянія“! Споръ продолжался, и вотъ Гонтрамъ увидѣлъ вдали мѣдный котелъ, поставленный на огонь, ужаснулся и началъ горько плакать, потому что въ это время его братъ былъ немилосердно увлеченъ къ мѣсту мученія, разтерзанъ на части и ввергнутъ въ мѣдный котелъ ¹⁾.... Изъ числа другихъ легендъ въ томъ же родѣ болѣе замѣчательныя—видѣніе монаха Веттина (Wetlin), легенда о королѣ Дагобертѣ, о Людовикѣ „Желѣзная Рука“, о Карлѣ Лысомъ и др. Монахъ Веттинъ, какъ сообщаетъ (въ Acta Sanct.) аббатъ того монастыря, въ которомъ Веттинъ жилъ, *впалъ въ тяжолую болѣзнь и удостоился видѣнія*. Предъ нимъ явились ангелы, взяли его съ собою и повели „черезъ высокія горы, показавшіяся ему мраморными“. Дальше онъ увидѣлъ огненную рѣку, въ которую были погружены цѣлыя толпы лицъ духовныхъ, между которыми Веттинъ узналъ многихъ изъ числа знакомыхъ ему лицъ, и здѣсь же увидѣлъ *императора Карла Великаго*, который былъ пожираемъ ядовитыми змѣями. Веттинъ удивился, что такой великій императоръ, опора и защита церкви, осужденъ на такія страшныя мученія, но ему сказали, что императоръ въ своей частной жизни придерживался нѣкоторыхъ старыхъ языческихъ обычаевъ, за что и долженъ теперь страдать, хотя его мученія—временныя: онъ находится въ чистилищѣ ²⁾.... Дѣйствительно, можетъ показаться нѣсколько страннымъ—то осужденіе великаго императора, какое встрѣчается въ легендѣ Веттина: Карлъ Великій былъ любимцемъ народа и духовенства и сосредоточивалъ вокругъ своего лица цѣлый рядъ прекраснѣйшихъ по-

¹⁾ Labitte, l. cit. t. I, p. 217; Ozanam, Dante и пр. pag. 365—366.

²⁾ Dom Calmet, Traité des Apparitions, tom. II pag. 279; Ampère, Histoire littéraire de la France avant XII siècle, 1840. t. III, pag. 116—117; Labitte и Ozanam, lib. cit.

этических сказаний (о его мнимом путешествіи въ святую землю, о борьбѣ съ испанскими Маврами и т. дал.). Но есть другая легенда (XI в.), которая исправляетъ эту неловкость, освобождаетъ великаго императора отъ всякихъ укороевъ въ такомъ или иномъ прегрѣшеніи и прямо помѣщаетъ его въ число избранныхъ святыхъ, — это — видѣніе Турпина, епископа реймскаго, мнимаго біографа Карла В. (Турпинъ ум. въ 794 г., а Карлъ В. въ 814). Легенда рассказываетъ ¹⁾, будто Турпинъ, находясь однажды на молитвѣ, увидѣлъ цѣлую толпу демоновъ, „съ шумомъ и гикомъ“ направлявшихся за душою Карла Великаго ²⁾; Турпинъ остановилъ ихъ и велѣлъ, чтобы по возвращеніи назадъ они извѣстили о случившемся съ императоромъ. Спустя не много времени, демоны возвращаются назадъ опечаленные и говорятъ, что они были несчастливы, потому что когда они прибыли въ назначенное мѣсто, явился и архангелъ Михаилъ съ своими легіонами; тогда выступили впередъ два человека Асерфали (безъ головъ) — *Iacobus Galiciensis* (испанскій) и *Dionisius de Francia*, начали взвѣшивать добрыя дѣла императора — его заботы объ устроеніи и украшеніи церквей; добрыя дѣла взяли перевѣсъ, и мы, говорятъ демоны, навсѣгда лишились его души... Въ легендѣ Веттина, между прочимъ, нельзя не обратить вниманія на одну подробность, вообще довольно рѣдкую въ такихъ случаяхъ и потому-то для насъ имѣющую нѣкоторую особую важность: легенда сообщаетъ, что Веттинъ во время болѣзни велѣлъ читать для него „Діалоги“ св. Григорія, и вотъ

¹⁾ Lenglet Dufresnoy. Recueil des dissertations и пр. том. I, part. I, pag. 182; сравн. Collin de Plancy, Dictionnaire Infernal, 1845 г. стр. 503. — По ходатайству императора Фридриха I, почитателя Карла В., послѣдній былъ помѣщенъ въ число святыхъ католической церкви — Acta Sanct. d. 23 Januar. pag. 874 sqq.

²⁾ Внезапное появленіе демоновъ „толпою, съ шумомъ и гикомъ“, сильно напоминаетъ народную легенду „о дикомъ охотникѣ“, распространенную по всему западу и имѣвшую въ своей основѣ старыя язычески-эсхатологическія представленія — ср. Zeitschrift für Volkspsychologie, herausg. von Lazarus, 5 том. 1868 г. стр. 241—256 (ст. Бломберга).

послѣ этого чтенія онъ и имѣлъ видѣніе“. Съ одной стороны, эта подробность дѣлаетъ понятнымъ „Видѣніе Веттина“ какъ явленіе психологическое: его большое воображеніе (если только его біографъ-аббатъ вѣрно передаетъ то, что Веттинъ на самомъ дѣлѣ могъ видѣть въ болѣзненномъ экстазѣ) работало въ томъ именно направленіи, какое давало чтеніе „Діалоговъ“, изъ готовыхъ нитей сплетало новую ткань (легенда о Теодорихѣ у Григорія Великаго — и легенда о Карлѣ В. у Веттина). Съ другой стороны, она показываетъ, какъ легко составлялись такіа легенды и въ какихъ нерѣдко прямыхъ отношеніяхъ (какъ увидимъ это и въ послѣдствіи) онѣ находились къ своему древнѣйшему церковному источнику — легендамъ св. Григорія. Это одно до нѣкоторой степени можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ нашей попытки разсмотрѣнія „Діалоговъ“ св. Григорія въ связи съ общимъ развитіемъ средневѣковой легенды о загробной жизни. Но обратимся къ другимъ легендамъ, однороднымъ съ только-что указанными. Такова легенда о Карлѣ le Gros, король французскій: „Видѣніе мукъ, показанныхъ Карлу, о которыхъ онъ самъ разсказалъ“ ¹⁾, у хронграфовъ подъ 884 и 888 годомъ ²⁾. Повѣствуя о своемъ хожденіи по различнымъ мученіямъ, Карлъ говоритъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ видѣлъ епископовъ своего отца, мучимыхъ страшными муками, и съ ужасомъ спросилъ: за что они такъ жестоко наказаны? Они отвѣчали: „увы! мы были епископами при твоёмъ отцѣ и нашей обязанностію было впустить миръ и согласіе, по мы сѣяли раздоры и были виновниками великихъ несчастій,—за это мы и подверглись

¹⁾ Migne, Dictionnaire des Legendes du Christianisme, col. 1239—1242; латинскій текстъ у Langlois, Recueil des dissertations anciennes et nouvelles sur les Apparitions et caet. Avignon, 1751. tom. I, part. I, pag. 181—189.

²⁾ Вильгельмъ Мальмесбюри, De Gesta Reg. Angl. lib. II, cap. III; въ хроникѣ Alberic'a de Trois Fontaines, годъ 888 г., Vincentii Bove, Specul. histor. cap. 49; ср. Ampère, lib. cit. III, 129; Ozanam, Dante и ир. стр. 364; Labitte, lib. cit. pag. 226. — Райтъ, предполагаетъ, что эта легенда древнѣе даты, какую назначаютъ ей хроникп, и находитъ въ ней цѣловую передѣлку сказаній изъ античной мѣлологіи — Wright, S. Patriks Purgatory, стр. 20—22.

адскимъ мученіямъ“! Въ другомъ, еще болѣе страшномъ мѣстѣ Карль увидѣлъ многихъ князей, своего отца и своихъ братьевъ: мы любили войны, говорили они съ жалобнымъ стономъ, душегубство, грабежи, и вотъ теперь казнимся за свои преступленія! Издали раздавался голосъ: большіимъ — и большія мученія!... Въ этой легендѣ, какъ и въ другихъ, изложенныхъ выше, составители легендъ обращались къ представителямъ высшей свѣтской власти, угрожая адомъ и вѣчными муками, но тенденціозность этого рода еще очевиднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда легенда прямо осуждаетъ одно какое нибудь лицо и превозноситъ другое, или же направляетъ свои осужденія противъ какой нибудь извѣстной церковной партіи. Таково „видѣніе“ Бертольда (IX в.), сообщаемое Гинкмаромъ, епископомъ реймскимъ, въ особомъ официальномъ посланіи (и слѣдовательно имѣвшее значеніе вполне убѣдительнаго документа) ¹⁾, въ которомъ визионеръ осуждаетъ епископа Еббона и всю партію, противную Гинкмару, на адскія мученія и, напротивъ, самого Гинкмара помѣщаетъ въ число „избранныхъ“, и вообще все видѣніе таково, что древнѣйшій пересказчикъ легенды (Фродоаръ) нашелся вынужденнымъ замѣтить, что Гинкмаръ „тамъ, гдѣ нужно было“ изложилъ „по своему“ легенду, сообщенную ему другими ²⁾.... Въ другихъ легендахъ тенденціи политическаго характера (какъ въ вышеприведенныхъ) уступаютъ мѣсто интересамъ и стремленіямъ церковно-общественнаго свойства: легенда осуждаетъ современные пороки и недостатки различныхъ классовъ общества, угрожаетъ

¹⁾ Ср. слѣдующій фактъ: въ пастырскомъ посланіи французскихъ епископовъ къ королю Людовику Благочестивому, отъ 853 г., за подписью епископовъ Реймса и Руэна, съ убѣдительною авторитета возмѣщалось, что Карль Мартель осужденъ: «при открытіи его гробницы, говорится въ посланіи, всѣ присутствующіе ощутили запахъ дыма и были поражены появленіемъ страшнаго дракона, и одинъ святой этого времени удостоился увидѣть въ „видѣніи“, что. душа и тѣло Карля Мартеля горятъ въ вѣчномъ огнѣ, въ адской пропасти. Alger, Critical History of the Doctrine of a Future Life, pag 416; Ozanam, Dante и пр. стр. 365, примѣч. — Cp. Greg. M. Dialog. lib. IV, cap. XXXI, Migne, lib. c. col. 368—369.

²⁾ Ampère, Histoire littéraire de la France, tom. III, pag. 117—119.

адамъ и своей угрозой поучаетъ, — поученіе, конечно, выходило не-совсѣмъ въ христіанскомъ духѣ, но оно достигало своей цѣли въ тѣ вѣка варварства и потому угрозы адскими казнями рано сдѣла-лись общимъ мѣстомъ средневѣковой проповѣди и нравоучительной литературы. Легендъ въ этомъ родѣ было множество, — мы при-ведемъ только одну, находящуюся въ письмахъ св. Бонифація (VIII в.) и сравнительно болѣе раннюю. Однажды разпростра-нился слухъ, пишетъ св. Бонифацій, будто въ монастырѣ Миль-бурга воскресъ мертвецъ. Св. Бонифацій хотѣлъ самъ лично удо-стовѣриться въ справедливости слуха, призвалъ визионера, который „въ присутствіи трехъ достопочтенныхъ особъ“ и рассказалъ, какъ во время болѣзни его душа отдѣлилась отъ тѣла и какъ не ожи-данно онъ очутился въ надземныхъ сферахъ: „онъ хорошо раз-личалъ землю, — издали она казалась какъ бы объятой пламенемъ а помѣстамъ можно было рассмотреть, что все пространство между землею и высшими сферами наполнено душами людей, только — что покинувшихъ земную жизнь и отходящихъ „въ дальній путь“. Лишь только эти души достигали извѣстнаго мѣста, онъ стано-вились предметомъ спора между ангелами и демонами, причемъ злые духи всячески старались обмануть ангеловъ при взвѣшиваніи достоинствъ различныхъ душъ. „Пороки и добродѣтели выступали лично и принимали участіе въ спорѣ“ : Высокомѣріе, Лѣньность, Расточительность и др. пороки открывали свое прошлое, потомъ „малыя добродѣтели — *parvae virtutes*“, въ числѣ ихъ даже „По-слушаніе и Постъ“ являлись въ лицахъ предъ грозными судіями и требовали должнаго воздаянія... Ангелы защитили визионера отъ нападенія адскихъ полчищъ и въ подробностяхъ показали ему мѣста осужденія, а потомъ привели его въ одно обворожительное мѣстечко, гдѣ онъ встрѣтилъ блестящее собраніе людей изуми-тельно прекрасныхъ, которые издали дѣлали ему знаки, чтобы онъ подошелъ къ нимъ: здѣсь былъ рай, но онъ не могъ проникнуть въ него. Наконецъ, ангелы повелѣли ему возвратиться на землю и рассказать людямъ набожнымъ все, что онъ видѣлъ во время

своего странствованія, и ничего не говоритъ тѣмъ, которые стали бы смѣяться надъ его разсказами: *insultantibus narrare denegaret* ¹⁾. Эта довольно наивная легенда заключаетъ въ себѣ всѣ черты средне-вѣковыхъ моралитѣ: подобно моралитѣ (особый родъ церковной драмы) она олицетворяетъ пороки и добродѣтели, показываетъ гибельную сторону первыхъ и спасительность вторыхъ, осуждаетъ первые и своимъ осужденіемъ, равно какъ превознесеніемъ добродѣтелей и достоинствъ человѣка, поучаетъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, легенда св. Бонифація можетъ служить краткимъ схематическимъ образцомъ длиннаго ряда подобныхъ легендъ: въ ея неширокія рамки весьма удобно было вводить какія угодно подробности, можно было помѣщать цѣлыя картины изъ современной жизни. Выше мы уже дѣлали ссылки на „Божественную Комедію“ Данте и на этотъ разъ можемъ указать на нее же, какъ на такое произведеніе, въ которомъ послѣдняя изъ указанныхъ нами особенностей средне-вѣковой легенды о загробныхъ видѣніяхъ выступаетъ въ полной рельефности и изобразительности, потому что дѣйствительно „поэтическая легенда“ великаго флорентійца есть полная и изумительно вѣрная картина всего общественнаго, интеллектуальнаго, нравственнаго и религіознаго состоянія Италіи и всей католической Европы въ XIII—XIV вѣк., столько же поучительная для своего времени, какъ и для позднѣйшихъ вѣковъ. Дальше въ этомъ направленіи легенда, разумѣется, не пошла и не могла пойти, и развѣ второй Данте могъ бы создать изъ нея что нибудь новое въ томъ же родѣ, превративши, подобно ему, слабое осужденіе церковной легендой современныхъ пороковъ и общественно-политическихъ нестроеній въ громовую сатиру, произносящую грозный приговоръ цѣлымъ вѣкамъ общественно-политическаго и церковнаго развитія европейскихъ народовъ. Въ сферѣ церковной легенда не пошла далѣе фантастическихъ, больше или меньше окрашенныхъ „въ современный цвѣтъ“ разсказовъ и картинъ, довольствуясь притомъ, большею частію, какъ и

¹⁾ Labitte, lib. cit. pag. 218—219.

въ приведенной легендѣ св. Бонифація, „безличнымъ осужденіемъ“ и детальной разрисовкой различныхъ пороковъ и добродѣтелей, которыя трудно приурочить къ какому нибудь мѣсту, времени или обществу, хотя при болѣе точномъ и обстоятельномъ обследованіи средневѣковыхъ церковныхъ легендъ не трудно прослѣдить въ нихъ, какъ и въ средневѣковыхъ мистеріяхъ и моралитѣ (въ данномъ случаѣ однородныхъ съ легендой), — прослѣдить въ нихъ черты живой современности, сколько бы ни были общи сужденія и осужденія различныхъ визионеровъ, сколько бы они ни старались убѣгать въ туманную область мистики и аллегорій ¹⁾). Особенно это замѣтно выступаетъ на видъ въ средневѣковой проповѣди, которая, какъ извѣстно, весьма часто вводитъ въ свой текстъ разнаго рода легенды, въ томъ числѣ и эсхатологическаго характера. Церковные проповѣдники, по примѣру лучшихъ и знаменитѣйшихъ представителей римской церкви (Петръ Даміанъ, св. Ансельмъ, св. Бернардъ, папа Григорій VII и мн. др.) ²⁾, въ своихъ проповѣдяхъ часто приводятъ легенды—и старыя изъ различныхъ церковныхъ сбор-

¹⁾ Глубокая искренность (sincerity), говоритъ Алджеръ, средневѣковой вѣры въ загробное существованіе доказывается тѣмъ, что люди, изображаемые въ легендахъ, являются въ поразительномъ соотвѣствіи во всемъ, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ — тому, чѣмъ они были въ живой дѣйствительности. Ни годы забвеній, ни чистая спиритуализация не освобождали души людей усопшихъ отъ ихъ земныхъ привязанностей и столкновеній. Ничтожный предлогъ — неоконченное дѣло, невыполненное обязательство и т. под. — призывалъ мертвецовъ назадъ, въ ихъ покинутые дома, на поверхность земли, — и вотъ, въ рыцарскихъ замкахъ поселились привидѣнія (the ghosts) рыцарей, и эти рыцари—привидѣнія, разгуливая по замкамъ, ни на минуту не отказывали себѣ ни въ одной изъ обычныхъ рыцарскихъ забавъ и увеселеній— устраидали турниры, карусели и т. под.; если появлялся священникъ, то онъ читалъ свою мессу, охотникъ преслѣдовалъ свою добычу, привидѣніе-разбойникъ (spectre-robber) нападалъ на проходившаго путника и т. д. Alger, Critical History of the Doctrines of a Future Life, New-York, 1871, pag. 415.

²⁾ Григорій VII—этотъ желѣзный человекъ въ папской тиарѣ—въ одной изъ своихъ проповѣдей весьма искусно пользуется легендой о загробной жизни, и его примѣръ, разумѣется, не могъ оставаться безъ подражанія... Вильменъ, Исторія средневѣк. литер. урокъ 1-й; Labitte, Etudes litteraires, tom. I pag. 234—235.

никовъ, приспособляя ихъ въ интересахъ большей убѣдительности къ потребностямъ своего времени, и вновь составленныя, имѣвшія прямой интересъ современности. Легенда служить у нихъ въ качествѣ аполога, съ тѣмъ различіемъ, что все сообщаемое въ такомъ апологѣ и для самого проповѣдника и для его набожныхъ слушателей имѣло значеніе реального факта, „видѣніе“ въ образахъ и гаданіяхъ переводилось въ дѣйствительность и давало послышки для такихъ или иныхъ моральныхъ выводовъ ¹⁾ и, разумѣется, послѣдніе получали тѣмъ большую убѣдительность, чѣмъ болѣе подтверждавшій ихъ апологъ — легенда обнаруживала черты живой современности.

Конечно, въ такихъ случаяхъ, когда легенда вводилась въ проповѣдь съ назидательной цѣлю, она нисколько не уклонялась отъ однажды даннаго ей направленія, служила тѣмъ самымъ цѣлямъ, которыя такъ же отчасти указаны легендой „Диалоговъ“ св. Григорія—поученію, назиданію, заставляя людей во всей наготѣ созерцать дурныя и хорошія стороны ихъ земной жизни и дѣятельности и чрезъ это „какъ бы подготавливая людей ко вступленію въ Царство Божіе“, потому что, какъ говорилъ знаменитый средневѣковой богословъ—мистикъ Бернардъ Клервосскій, „кто хочетъ созерцать величіе Божіе, тотъ долженъ имѣть чистое и непорочное сердце, а это всего лучше можетъ быть достигнуто чрезъ размышленіе о судѣ Божіемъ, ожидающемъ грѣшныхъ“ ²⁾... И дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы средневѣковая легенда, и въ ея народномъ, и въ церковномъ употребленіи, не имѣла этого въ виду: она наводила людей простыхъ и набожныхъ на размышленіе о вѣчности и заставляла созерцать судъ Божій надъ землею жизнью, а тѣмъ самымъ, можетъ быть, заставляла ихъ и въ земной

¹⁾ Множество примѣровъ этого рода можно находить, между прочимъ, и въ произведеніяхъ русскихъ юго-западныхъ проповѣдниковъ XVI—XVII вв., писавшихъ свои проповѣди, какъ обыкновенно характеризуютъ ихъ наши гомилеты, „по западнымъ схоластическимъ образцамъ“. См. статьи «о юго-западной проповѣди» въ «Руковод. для сельскихъ пастырей».

²⁾ См. у Wegele, Dante's Leben und Werke и пр.

Христ. Чтен. № 5—6. 1878 г.

жизни быть нѣсколько сдержанными въ своихъ чувствахъ и страстяхъ ¹⁾, умѣрять крайнія проявленія грубой силы, присутствіе которой въ средніе вѣка весьма ощутительно давало себя знать и въ семьѣ и въ обществѣ. Но если въ такомъ видѣ легенда до нѣкоторой степени служила церковно-миссіонерскимъ цѣлямъ, то, вслѣдъ затѣмъ, эта же самая легенда начала получать назначеніе или приспособляться къ достиженію такихъ цѣлей, которыя уже не могли имѣть въ виду одно лишь душеспасительное назиданіе или церковное поученіе. Таковы именно тѣ западныя церковныя легенды, которыя имѣли такое или иное отношеніе къ ученію о чистилищѣ, объ индульгенціяхъ и т. под.... Римско-католическое ученіе о чистилищѣ находило прямое подтвержденіе у Григорія Великаго ²⁾, но и у него, какъ мы видѣли, оно подтверждается легендой; послѣ Григорія В., въ VIII вѣкѣ, Беда Достопочтенный новыми легендами даетъ бѣольшую опредѣленность и бѣольшую распространенность этому ученію ³⁾. Вѣроятно, такъ же въ VIII вѣкѣ появляются и первыя легенды о чистилищѣ св. Патрика, въ IX вѣкѣ (самомъ обильномъ легендами) чистилище уже становится популярнымъ, легенды объ немъ разносятся по всей Европѣ, и затѣмъ, позднѣе число ихъ и ихъ распространенность увеличиваются, такъ какъ въ это время „отъ девятаго до шестнадцатаго вѣка, дѣйствительно, можетъ быть ни одна доктрина, какъ говоритъ Алджеръ, не была столько центральной, устойчивой и вліятельной въ церковномъ ученіи и въ практикѣ, не обсуждалась столь широко и не производила

¹⁾ Эта мысль проглядываетъ уже въ легендахъ Григорія Великаго: ср. легенду о Петрѣ, которому ангелъ, сопровождавшій его въ „схожденіи по мученіямъ“ сказалъ: „возвратись на землю и внимательно подумай, какъ слѣдуетъ жить послѣ всего видѣннаго тобою“—Dial. lib. IV cap. 36.

²⁾ Соборныя опредѣленія римско-католической церкви, вошедшія въ римскій катихизисъ, въ числѣ прочихъ источниковъ прямо ссылаются на четвертую книгу „Диалоговъ“ св. Григорія. См. Leo Redner, Das Fegfeuer, 1856, стр. 42—56; 101 и сл.

³⁾ См. въ его „Церк. Истор.“ книг. III гл. 19: „Видѣніе Фурзелъ;“ кн. IV гл. 13: „Видѣніе Дритгельма“, — та и другая легенда, по словамъ Wright'a, нерѣдко на предметъ церковныхъ бесѣдъ—Wright, S. Patriks Purgatory, p. 18.

столь сильнаго впечатлѣнія на христіанъ—какъ доктрина о чисти-
лищѣ и страхъ предъ чистилищнымъ огнемъ“ ¹⁾). Приходскіе кли-
рики, монахи, аббаты разныхъ монастырей повсюду разносили чу-
десныя сказанія о видѣніяхъ загробныхъ мукъ, объ освобожденіяхъ
изъ чистилища по молитвамъ такихъ-то и такихъ-то святыхъ, за
столько-то и за столько месецъ, отправленныхъ въ какой нибудь
церкви или монастырѣ, при мощахъ какого нибудь святаго и т. дал.
Уже въ IX вѣкѣ императоръ Карлъ Великій жаловался, что „эпи-
скопы и аббаты обираютъ легковѣрный народъ, застрачивая его
адскими муками и обольщая надеждой царства небеснаго“ (*suadendo
de coelestis regni beatitudine, comminando de aeterno supplicio
infernii*). Торговля индульгенціями была въ полномъ ходу, важнѣй-
шіе монашескіе ордена, какъ напр. францисканцевъ и доминикан-
цевъ, соперничая между собою въ привлеченіи толпы или, что тоже,
въ обогащеніи своихъ монастырей, пускали въ обращеніе легенды,
которыми, между прочимъ, „со всею очевидностію“ доказывалось,
что члены ихъ именно ордена на томъ свѣтѣ удостоятся занимать
мѣста выше всѣхъ прочихъ. Соборъ Базельскій призналъ справедли-
вымъ притязаніе францисканскихъ монаховъ, что будто основатель
и глава ихъ ордена (Францискъ д'Ассизи, знаменитый монахъ-ми-
стикъ) ежегодно сходитъ въ чистилище и уводитъ оттуда на небо
души всѣхъ, принадлежащихъ къ ихъ ордену ²⁾). Тѣже франци-
сканцы утверждали, что достаточно войти въ ихъ церковь *Notre-
Dame des Agnes*, близъ Ассизи, „чтобы освободить душу изъ чи-
стилица“ ³⁾). Кармелиты заявляли, что Дѣва Марія являлась гене-

¹⁾ Alger, Critical History и пр. стр. 411—412.

²⁾ Alger, Critical History и пр. стр. 418. Впрочемъ, нужно замѣтить, почи-
таніе св. Франциска на западѣ вообще доходило почти до обожанія, и одинъ
изъ его біографовъ цѣлой книгой старался доказать сходство во всѣхъ отдѣль-
ныхъ моментахъ жизни св. Франциска съ жизнью Иисуса Христа. Вотъ заглавіе
этой книги (ея авторъ—патеръ Бартоломей Пизанскій): *Liber aureus inscriptus:
Liber conformitatum vitae beati ac seraphici patris Francisci ad vitam Iesu
Christi, Domini nostri*—см. Maury, Essai sur les légendes pieuses du moyen âge,
pag. 26, ero же: *Magie et Astrologie au Moyen âge*, pag. 354—360.

³⁾ Victor Le Clerc et Ern. Renan, Histoire littéraire de la France au XIV
siècle, tom. I, pag. 386—387.

ралу ихъ ордена Симеону Стокку и дала ему высокаторжественное общаніе, что „всѣ умирающіе съ кармелитскимъ парамникомъ на своихъ плечахъ—будутъ несомнѣнно освобождены отъ вѣчнаго осужденія“. Сами папы, допуская обширный торгъ индульгенціями, нерѣдко открыто выступали на защиту разнаго рода легендарныхъ выдумокъ относительно загробныхъ видѣній (напр. папа Бенедиктъ XIV) ¹⁾...

Какую же судьбу имѣла старая церковная легенда о загробной жизни, въ виду такого, весьма нерѣдко крайняго злоупотребленія эсхатологической доктриной со стороны духовенства, особенно монаховъ? Понятно само собою, что въ ихъ рукахъ церковная легенда получала важное значеніе, и въ частности это значеніе должно было выпадать именно на долю легендъ св. Григорія, какъ въ своемъ родѣ безусловно авторитетныхъ и необыкновенно популярныхъ, какъ такихъ, на которыя часто дѣлались ссылки и въ частныхъ монашескихъ бесѣдахъ, и въ проповѣдяхъ къ народу, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ толпой и въ церковныхъ книгахъ. Легенды св. Григорія передѣлывались или служили образцами для новыхъ легендъ, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ. На этотъ разъ, къ разъясненію ихъ судьбы могутъ служить изъ средневѣковой церковной литературы слѣдующіе два, довольно интересные памятника: „*Liber visionum tum suarum, tum aliarum*“, монаха XI в.

¹⁾ Alger, Critical History of the Doctrine of a Future Life, pag. 418. До какихъ предѣловъ на этотъ разъ доходила безцеремонность католическихъ монаховъ въ эксплуатированіи народнаго легковѣрія, можно судить напр. по слѣдующему факту, относящемуся къ началу XVI вѣка: нѣсколько монаховъ, подъ руководствомъ одного доминиканца, составили общество и разѣзжали по городамъ съ единственной цѣлю — съ помощію запугиваній «различными легендарными разсказами и чудесами» вымогать деньги. «Достаточно сказать, говорить объ нихъ Алджеръ, что монахи среди ночи врывались въ дома различныхъ лицъ, то наряжаясь чертями, въ страшныхъ одѣяніяхъ и испуская дымъ и пламя, кричали, что души извѣстныхъ лицъ будутъ освобождены изъ чистилища по ходатайству святыхъ и Дѣвы Маріи, то съ помощію различныхъ механическихъ и химическихъ приспособленій производили чудеса, наводившія страхъ и ужасъ на легковѣрный народъ». Alger, l. cit. pag. 419.

Отлона и „Легенда на день поминовенія усопших“ въ „*Legenda Aurea*“ Іакова Воражинѣ (XIII в.),—первая составлена, какъ заявляетъ самъ авторъ, „въ подражаніе четвертой книгѣ „Діалоговъ“ св. Григорія“, вторая между прочимъ интересна въ томъ отношеніи, что она предлагаетъ довольно полное собраніе различныхъ эсхатологическихъ представленій среднихъ вѣковъ, съ указаніемъ главнѣйшихъ легендъ, причемъ имя св. Григорія приводится нѣсколько разъ и нѣсколько разъ дѣлаются прямыя указанія на его „Діалоги“. Мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности и относительно „Книги Видѣній“ и относительно „Легенды“ Воражинѣ.

Авторъ „Книги Видѣній“ ¹⁾, указавши кратко въ прологѣ поучительную цѣль своего труда (*ad aedificationem fidelium proferre visiones ..*), говоритъ, что видѣнія бываютъ различныхъ родовъ и что всѣ роды видѣній встрѣчаются въ священномъ Писаніи, но что „особенно изобилуетъ видѣніями четвертая книга Діалоговъ св. Григорія, которому онъ и намѣренъ подражать въ своемъ трудѣ“. Всѣхъ видѣній въ книгѣ Отлона двадцать три; изъ нихъ первыя четыре касаются исключительно самого автора — его испытаній и искушеній, его достоинствъ и заслугъ предъ Богомъ, одно видѣніе взято изъ писемъ св. Бонифація (то самое, которое мы изложили выше), три—изъ „Исторіи“ Беды Достопочтеннаго,—изъ числа остальныхъ видѣній только семь эсхатологическаго характера. Разсматривая эти послѣднія, нельзя не замѣтить прежде всего ихъ большое сходство съ легендами Григорія Великаго — сходство по формѣ: каждое видѣніе начинается указаніемъ лица, которое или само имѣло „видѣніе“ (*Visio XII*), или передавало со словъ другихъ, во время бесѣды о вещахъ духовныхъ (*de spiritualibus rebus*),—удостоившіеся видѣній — епископы или простые монахи, за исключеніемъ одного пищаго (*Visio XI*),—разсказъ о видѣніи обыкновенно начинается перечисленіемъ нравственныхъ достоинствъ рассказчика,

¹⁾ Migne, *Patrolog. series latina*, tom. 146 col. 341—388.

какъ человѣка близко знакомаго автору, все содержаніе разсказа, изложеннаго просто, легко и понятно, авторъ старается приспособить къ развитію моральныхъ наставленій и т. д. Въ числѣ видѣній встрѣчаются даже буквальные повторенія легендъ св. Григорія: таково видѣніе тринадцатое ¹⁾. Но, при внѣшнемъ сходствѣ съ легендами св. Григорія, „Видѣнія“ монаха XI вѣка слишкомъ явно, почти до наивности—обнаруживаютъ свое поучительно-тенденціозное направленіе: это составляетъ ихъ главное отличіе. Авторъ не скрываетъ, что его главная задача — сообщеніемъ устрашающихъ разсказовъ заставить вѣрить тому, что онъ старается внушить другимъ, убѣдить въ необходимости дѣлать одно и избѣгать другаго, — и тогда какъ св. Григорія въ его „Діалогахъ“ занималъ главнымъ образомъ вопросъ о безсмертіи человѣческой души, о жизни за гробомъ, авторъ „Книги Видѣній“, подражая св. Григорію, интересуется однако уже совсѣмъ иными вопросами. Такъ, его интересуетъ вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ и онъ отвѣчаетъ на него легендой, для большей убѣдительности приписываетъ легенду самому папѣ Льву ²⁾ и такимъ образомъ осуждаетъ на мученія въ чистилищѣ всѣхъ, незаконно присвоившихъ себѣ что либо изъ монастырскихъ владѣній, осуждаетъ страдать до тѣхъ поръ, пока наслѣдники свершившихъ присвоеніе не возвратятъ назадъ похищенное (Visio VII, Migne, l. c. col. 360—361). Или напр., авторъ, какъ видно, былъ нерасположенъ къ императору Генриху III и къ нѣкоторымъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ; и вотъ, послѣднихъ онъ видитъ въ „видѣніи“ запертыми въ мрачное, непроницаемое жилище (habitaculum), неимѣющее ни малѣйшаго отверстія, первому же дѣлаетъ прямое внушеніе „за его скупость“, предсказывая, что онъ скоро умретъ «nisi se ab eadem avaritia abstinuerit» (Visio XI, Migne, col. 365), а въ другой легендѣ, за медлен-

¹⁾ Visio XIII: «Obstinati judaei sempiterna damnatio» срав. Greg. Mag. Dial. lib. IV cap. XXVI. XXVII. XXXV.

²⁾ ... hanc se a sancto Leone papa nuperrime referente dixit (frater одного монастыря) agnovisse.

ность Генриха въ воздаяніи суда людямъ бѣднымъ, заставляетъ его на томъ свѣтѣ самому испытать, какъ трудно бѣдняку дожидаться его справедливаго суда ¹⁾. На ряду съ этимъ авторъ сообщаетъ и слѣдующее аллегорическое видѣніе, смыслъ котораго, впрочемъ, довольно понятенъ: „потомъ, говоритъ визионеръ, я былъ приведенъ на широкое поле, посреди котораго находился глубокій колодезь (*puleus altus*): видно было, что когда-то къ нему вело нѣсколько дорожекъ, но только одна маленькая тропинка сохранилась теперь въ цѣлости, остальные же едва были замѣтны, да и въ самомъ колодезѣ почти не было воды. Проводникъ объяснилъ, что многія едва замѣтныя дорожки и высохшіе источники—значать, что въ старыя времена (*sub temporibus pristinis*) люди богатые и бѣдные, состоятельные и несостоятельные съ одинаковымъ усердіемъ служили дѣламъ милостыни и благотворительности, а теперь не то, теперь и между состоятельными едва ли найдется кто-либо творящій милостыню, а потому и самый источникъ (монастырь), прежде легко напоившій души людей, отведуду притекавшихъ къ нему, теперь почти не имѣетъ воды“ (*Visio XI*). Дальше, на ту же тему—о необходимости благотворительности и молитвъ за умершихъ, попадающихъ въ чистилище, авторъ приводитъ еще нѣсколько легендъ, показывая, какъ много люди умершіе страдаютъ въ чистилищномъ огнѣ, если живые не приложатъ заботъ къ облегченію ихъ страданій. Является напр. отецъ къ своему сыну въ „видѣніи“ и говорить: отчего, мой сынъ, ты не исполнилъ моихъ просьбъ? почему ты не помогъ мнѣ? Смотри, изъ-за тебя я нахожусь еще подъ обвиненіемъ (*pro te reatu implicatus sum*), и вотъ, въ эту ночь многія души усопшихъ удостоились получить успокоеніе—*requiem*, а мнѣ, по ходатайству святыхъ, только дозволено было на самое короткое время посѣтить тебя, чтобы извѣстить о моихъ мученіяхъ, и потомъ снова назадъ, — близъ меня стоитъ имѣющій власть отвести меня

¹⁾ Auferte (послышался голосъ съ неба) *istum rectorem (Henricum) et facite eum inter poenarum moras discere quomodo pauperes valeant iudicia sua expectare; quae dedit accipiat; quae sit dilatio discat. Visio XV, Migne, col. 371.*

ad loca poenalia» (Visio XII Mign. col. 367). Наконецъ, авторъ „Книги Видѣній“ касается даже такихъ вопросовъ, которые, по-видимому, менѣе всего могли интересовать его, какъ человѣка монашеской жизни: онъ сообщаетъ легенду объ императрицѣ Теофаніи, супругѣ короля Оттона, которая будто бы явилась одному святому человѣку и просила, чтобы онъ молился за нее, такъ какъ она ужасно страдаетъ въ чистилищѣ за то, что, выйдя замужъ за французскаго короля Оттона, „она привезла съ собою изъ Византіи и распространила между французскими женщинами дотоѣ неизвѣстную во Франціи страсть къ роскоши, къ нарядамъ“ ¹⁾).

Такъ воспроизводитъ или, вѣрнѣе, передѣлываетъ монахъ XI в. легенды св. Григорія, задавшись цѣлю чисто поучительной, и мы можемъ видѣть изъ его труда, какъ въ самомъ дѣлѣ удобно было, просто по одному желанію сообщить легендѣ такое или иное направление, вводить въ нее самые разнородные вопросы, нисколько, по-видимому, не отступая отъ древнѣйшаго церковнаго источника и не опасаясь погрѣшить противъ церковной вѣры въ загробное воздаяніе. Эта сторона занимающаго насъ вопроса представляется еще яснѣе въ указанной легендѣ Іакова Воражинѣ. Вотъ эта легенда въ краткомъ пересказѣ по французскому переводу Брунѣ (латинскаго текста «*Legenda Aurea*», изд. Grässe, у насъ нѣтъ подъ руками) ²⁾. „Поминовеніе усопшихъ вѣрныхъ, говорится въ легендѣ, установлено церковью для того, чтобы общими молитвами всѣхъ вѣрующихъ послужить спасенію тѣхъ усопшихъ душъ, которыя лишены пособія частныхъ молитвъ (по неимѣнію родственниковъ и друзей), и установлено по слѣдующему поводу ³⁾. Какъ сообща-

¹⁾ *Mea peccata maxima, говоритъ она, multa superflua et luxuriosa mulierum ornamenta, quibus Graecia uti solet, sed eatenus in Germaniae Franciaeque provinciis erant incognita, huc primo detuli memque eisdem plus quam humanae naturae conveniret, circumdans et in hujusmodi nocivo incedens alias mulieres similia appetentes peccare feci* (Visio XVII, Migne, col. 373).

²⁾ *La Légende dorée, traduite du latin par. M. G. B., Paris, 1843; première série, pag. 384—391.*

³⁾ День поминовенія всѣхъ усопшихъ (2-го ноября) установленъ въ католи-

еть Петръ Даміанъ, св. Одилонъ, аббатъ Ключни, однажды узналъ, что въ Сициліи вблизи вулкановъ часто раздаются крики и завыванія демоновъ, кричащихъ о томъ, что молитвами и раздаваніемъ милостины изъ ихъ рукъ исхищаются души усопшихъ людей,—узнавши это, онъ установилъ, чтобы во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему монастыряхъ совершалось, послѣ праздника всѣхъ святыхъ, поминовеніе усопшихъ, и вся церковь приняла его установленіе ¹⁾... Души тѣхъ, которые не удовлетворили правдѣ Божіей, говорится да-

ческой церкви въ 998 г., т. е. какъ разъ наканунѣ того страшнаго года, когда съ окончаніемъ первой тысячи христіанскаго лѣтосчисленія весь западъ съ трепетомъ ожидалъ наступленія конца міра. См. Sigbertus Gemblacus, Chron. ad ann. 998, Migne, Patrol. series latina, tom. 160 col. 197—198.

¹⁾ См. Petrus Damianus in Vita Sancti Odilonis, у Langloy, Traité sur les Apparitions, tom. II pag 411. Въ разсказѣ объ установленіи праздника поминовенія усопшихъ (у Петра Даміана) находится повѣсть о томъ, какъ «по молитвѣ Одилона Ключійскаго и монаховъ его ордена былъ освобожденъ изъ чистилища папа Бенедиктъ VIII.—легенда, очевидно, однородная съ указанной выше—о спасеніи души Трояна Григоріемъ Великимъ, а такъ же и съ другой знаменитой въ средніе вѣка—о королѣ Дагобертѣ (ум. въ 638 г.): нѣкто Анзоальдъ, повѣствуется въ легендѣ о Дагобертѣ, епископъ Пуатьерскій (defensor aictaviensis Ecclesiae), «возвращаясь изъ Сициліи», высадился на одномъ небольшомъ островкѣ и встрѣтилъ здѣсь достопочтеннаго старца—пустынника Іоанна, который разсказалъ ему, что утомленный однажды постомъ и бдѣніемъ онъ заснулъ и увидѣлъ во снѣ старца, который подошелъ къ нему, разбудилъ и заставилъ молиться за душу короля Дагоберта, говоря, что Дагобертъ въ этотъ день умеръ. Онъ началъ молиться, и вдругъ увидѣлъ невдалекѣ отъ себя демоновъ, которые «перевозили по морю на ладѣ» короля Дагоберта, бичевали его и направляли свой путь къ «Vulcania loca». Вслѣдъ затѣмъ раздался голосъ, призывающій святыхъ на помощь, и вдругъ, при громѣ и молніи явились три мужа изумительной красоты,—то были—св. Діонисій, Маврикій и Мартинъ; они отняли у демоновъ душу Дагоберта и съ пѣніемъ 65 псалма понесли ее на небо. Текстъ легенды, по рукописи парижской библіотеки, у Langlet Dufresnoy, Recueil de dissertations anciennes et nouvelles sur les Apparitions, Avignon, 1751, tom. I part. I pag. 178: Quomodo de manu daemonum liberata est Anima Dagoberti regis et caet. Въ западныхъ церквахъ были живописныя изображенія этой легенды—см. Piper, Symbolik und Mithologie d. Christl. Kunst. Abth. I стр. 228—229. Въ основѣ этой и однородныхъ съ нею легендъ, очевидно, лежатъ древне-языческое повѣрье относительно вулкановъ, какъ мѣстъ мученія преступныхъ душъ, повѣрье, которое, какъ мы видѣли, раздѣлялъ и Григорій В. и нѣкоторые другіе церковные писатели.

лѣ въ легендѣ, на время подвергаются мученіямъ въ особомъ мѣстѣ, которое называется „Чистилищемъ“ и которое, по мнѣнію однихъ ученыхъ людей, находится будто бы подлѣ ада, а по мнѣнію другихъ — въ воздухѣ или „въ жаркомъ поясѣ“ (zone torride), но гдѣ бы оно ни было, божественное правосудіе назначаетъ неодинаковыя мѣста наказанія различнымъ душамъ... Св. Григорій говоритъ, что души, отданныя на мученіе, заключены въ темныхъ, недоступныхъ мѣстахъ, но что умершіе могутъ извѣщать живыхъ о своихъ страданіяхъ и просить ихъ молитвъ, которыми можно ослабить и сократить ихъ страданія“. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ общихъ мыслей о чистилищѣ, Іаковъ Воражине приводитъ слѣдующую легенду, довольно любопытную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма странную: „Однажды осенью, говоритъ онъ, рыбаки вытащили въ сѣтяхъ кусокъ льда и отнесли его къ епископу Теобальду, который въ то время сильно болѣлъ ногами, но когда принесенный кусокъ льда приложили къ его ногамъ, онъ тотчасъ же ощутилъ значительное облегченіе. Къ изумленію, изъ куска льда послышался голосъ, который на вопросъ епископа отвѣтилъ: я душа, заключенная въ этой ледяной темницѣ за мои грѣхи, но я могу получить свободу, если ты отслужишь для меня тридцать мессъ, послѣдовательно одну за другою въ теченіи тридцати дней, безъ перерыву“. Епископъ исполнилъ просьбу несчастной души и когда уже прочиталъ половину назначеннаго числа мессъ, жители того города, въ которомъ онъ находился, произвели междуусобную брань (по внушенію дьявола), епископъ призванъ былъ умиротворить враждующихъ, сложилъ съ себя священныя одежды и въ этотъ день не успѣлъ уже отправить ни одной мессы. Нужно было начинать снова, но затѣмъ опять такой же перерывъ, и когда наконецъ въ третій разъ онъ началъ читать мессы, прочиталъ больше половины и готовился уже начать послѣднюю—его извѣщаютъ, что городъ горитъ и его собственный домъ въ пламени: на этотъ разъ епископъ не поддался искушенію, окончилъ мессу, и тогда кусокъ льда растаялъ, пожара какъ не бывало и вообще все случившееся

оказалось злостнымъ ухищреніемъ дьявола“... Говоря дальше о возможности прямыхъ общеній между живымъ міромъ и людьми усопшими, авторъ тотчасъ же приводитъ новую легенду: „Извѣстный философъ Silo настоятельно просилъ одного изъ своихъ учениковъ, лежавшаго при смерти, возвратиться къ нему послѣ смерти и разсказать, въ какомъ положеніи онъ будетъ находиться“. Ученикъ исполнилъ просьбу, явился къ нему: „на его плечахъ была накинута мантия, снаружи вся исписанная различными надписями, а съ внутренней стороны „какъ бы подбитая пламенемъ (etait comme doublé de flamme)“, и онъ сказалъ: „эта мантия такъ тяжело давить меня, какъ будто цѣлая бання опустилась на мое тѣло, — я осужденъ носить ее, потому что при жизни любилъ блистать тонкой игрой логической аргументаціи, а пламя, служащее подкладкой моей мантии, жжетъ меня за то, что я любилъ одѣваться въ самыя дорогія одежды“. Silo, такимъ образомъ, лично увѣрившись въ тяжести наказаній, ожидающихъ грѣшниковъ, покинулъ міръ и удалился въ монастырь.... „Бл. Августинъ, говоритъ далѣе Іаковъ Воражинѣ, учить, что души подвергаются наказанію въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онѣ согрѣшили, а св. Григорій подтверждаетъ это примѣромъ“: тотчасъ же и приводится, какъ примѣръ, легенда изъ „Діалоговъ“ Григорія, но въ подтвержденіе уже другой мысли — о необходимости заботиться объ умершихъ ихъ оставшимся родственникамъ и друзьямъ,—на ряду съ легендами изъ „Діалоговъ“ приводится легенда Петра Ключни на тему о важности заупокойныхъ мессъ и молитвъ за усопшихъ, потомъ на ту же тему нѣсколько легендъ темнаго и очевидно позднѣйшаго происхожденія (по характеру — совершенно баснословныхъ), наконецъ легенда изъ пресловутаго псевдо-Турпина, мнимаго біографа Карла Великаго, легенда на тему о томъ, что порученія умирающихъ непремѣнно должны быть исполняемы, „изъ опасенія, чтобы не случилось того, что случилось однажды“, говоритъ авторъ, и приводитъ легенду о похищеніи демонами души одного человѣка, не исполнившаго просьбы рыцаря, убитаго на войнѣ... Мы воздерживаемся отъ передачи

всѣхъ легендъ, потому что и сдѣланныхъ указаній достаточно, чтобы показать, какое значеніе получаютъ легенды „Діалоговъ“ Григорія В. въ числѣ прочихъ средневѣковыхъ легендъ, когда этимъ послѣднимъ давалось извѣстнаго рода тенденціозное направленіе, не стѣснявшееся внесеніемъ въ легенду самыхъ невѣроятныхъ, фантастическихъ подробностей, и когда отъ старой церковной легенды, собственно говоря, оставалась одна лишь форма, позволявшая усвоить ей такое или иное содержаніе. Но если и у церковныхъ писателей старая церковная легенда получала такое примѣненіе, извращалась, становилась вульгарной и все болѣе и болѣе невѣроятной, то что же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда легендой пользовались въ обращеніяхъ съ толпой, съ народомъ, пользовались люди, которымъ книги, въ родѣ произведенія монаха Отлона и легендъ Воражинѣ, приходились особенно по вкусу, которые знали наизусть десятки такихъ книгъ и которые, съ другой стороны, вообще мало стѣснялись чѣмъ бы то нибыло, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей? Отвѣтъ простой: указанные факты относительно доминиканцевъ, францисканцевъ и т. д. были въ порядкѣ вещей, — для ихъ легендъ имѣлись готовые образцы въ книгахъ, у писателей въ родѣ Отлона, Воражинѣ и т. д., руководившихъ въ своей работѣ такимъ несомнѣнно-авторитетнымъ церковнымъ источникомъ, какъ „Діалоги“ Григорія Великаго. Но приэтомъ необходимо конечно имѣть въ виду, что легенда никогда не получила бы того примѣненія, какое мы указали, ни въ книгѣ, ни въ церковно-общественной практикѣ, и никогда не удалось бы монахамъ съ помощію легендъ повелѣвать умами и пріобрѣтать богатства, если бы положеніе церкви въ средніе вѣка не было столько „всесильнымъ“ и если бы средневѣковое общество и государство не находились такъ много подъ давленіемъ того общаго невѣжества, которое легко вѣрить всему, и подъ обаяніемъ того щемящаго страха, въ виду различныхъ общественныхъ бѣдствій и нестроеній, который легко создаетъ привидѣнія и заставляетъ людей трепетать за ихъ настоящее и будущее. „Церковь, логическими тонкостями своихъ схоластиче-

скихъ теологовъ, убѣдительнымъ краснорѣчіемъ народныхъ проповѣдниковъ, безотчетнымъ увлеченіемъ ея фанатическихъ поклонниковъ, торжественными заявленіями о ея безчисленныхъ чудесахъ, поразительными церемоніями ея драматическаго ритуала, — церковь ввѣдрила идеи своей основной системы въ умы, въ сердца, въ фантазію народа и держала всѣхъ въ постоянномъ страхѣ “.... Вмѣстѣ съ тѣмъ, „сильный толчокъ, оживлявшій и усиливавшій эсхатологическія представленія тѣхъ вѣковъ—толчокъ, вліяніе котораго долго не прекращалось—былъ данъ страшнымъ, эпидемическимъ ожиданіемъ близкаго конца міра, которое около 1000 года почти всюду преобладало въ христіанскихъ земляхъ. Случалось даже, что официальные хартии того времени начинались словами: „такъ какъ міръ теперь близится къ концу“.... Ожиданіе конца міра еще болѣе усиливалось подѣ вліяніемъ невыразимыхъ общественныхъ бѣдствій—голода, моровой язвы, войнъ, суевѣрія. „Идея о концѣ міра, печальная, какъ печальна была вся земная жизнь, говоритъ Мишле, служила надеждой и ужасомъ среднихъ вѣковъ. Посмотрите на эти старинныя статуи десятаго и одиннадцатаго вѣковъ—вѣмья, исхудалыя, на ихъ искривленныя черты лица, съ выраженіемъ живыхъ страданій, соединенныхъ съ предсмертными конвульсіями, посмотрите, какъ онѣ умоляютъ о наступленіи той желанной, но вмѣстѣ и той страшной минуты, когда послѣдній день суда Господня освободитъ ихъ отъ всѣхъ печалей и возвратитъ отъ ничтожества къ бытію, изъ гроба къ Богу“. „Средніе вѣка—вѣка чудесъ, романтики, страха.... Повѣствованія отшельниковъ, чудеса въ монастырскихъ келіяхъ, видѣнія столпниковъ, трепетное возбужденіе, сопровождавшее крестовыя походы и другія подобныя вліянія дѣлали міръ непрерывнымъ міражемъ. Изверженія вулкановъ считались дѣломъ безпокойнаго ада, демоны были подлѣ каждого человѣка, ночныя привидѣнія появлялись въ каждомъ мѣстечкѣ. Гунны, при Аттілѣ опустошившіе Южную Европу, считались въ буквальномъ смыслѣ дѣтьми ада, вырвавшимися наружу изъ адской пропасти. Каждый метафизикъ находился въ опасности прослыть за еретика,

натуръ-философъ—за мага. Вѣра въ магію и колдовство¹⁾ была всеобщей“¹⁾....

Вотъ въ какихъ условіяхъ церковно-общественной жизни средне-вѣковая церковная легенда получила то значеніе, какое мы указали, и если дѣйствительно были злоупотребленія ею, то они являлись неизбежно, какъ дозволенные общественнымъ настроеніемъ, какъ явленія, вызванныя общей средне-вѣковой культурой: легенда отвѣчала запросамъ времени, находила опору въ теологіи, была наконецъ слишкомъ выгодна для того, чтобы могла оставаться въ формѣ простаго разсказа, душеспасительнаго и назидательнаго для людей набожныхъ. Она могла быть и душеспасительной и полезной для духовенства въ видахъ распространенія такихъ или иныхъ доктринъ, съ тенденціями иногда не совсѣмъ похвального свойства. Такова, какъ мы видѣли, она была и на самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, въ результатѣ предложеннаго нами обзорѣнія средне-вѣковыхъ легендъ, ихъ отношеніе къ „Діалогамъ“ Григорія Великаго представляется въ слѣдующемъ видѣ: эсхатологическія идеи св. Григорія и его легенды въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ оставались въ качествѣ авторитетнаго и весьма популярнаго источника,—средне-вѣковая легенда, обогащаясь въ своемъ содержаніи заимствованіями изъ различныхъ христіанскихъ и не христіанскихъ источниковъ, по формѣ слѣдуетъ образцамъ, даннымъ въ „Діалогахъ“ св. Григорія, развиваетъ его идеи, проводитъ далѣе то поучительное и вмѣстѣ тенденціозное направленіе, которое замѣчается уже въ его легендахъ—то протестуетъ противъ отдѣльныхъ личностей и явленій враждебныхъ церкви, противъ явленій церковно-общественной жизни, то поучаетъ, назидаетъ, то наконецъ приспособляется исключительно для распространенія такихъ эсхатологическихъ доктринъ католической церкви, которыя были выгодны для вліянія и обогащенія—выгодны для духовенства.

¹⁾ Alger, l. c. pag. 416—417.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ сообщить одну изъ церковно-славянскихъ легендъ, которая показываеъ, что и въ древне-русской церковной литературѣ легенды „Диалоговъ“ Григорія Великаго до нѣкоторой степени имѣли такое же вліяніе, какъ и въ западно-европейской. Въ житіи Пафнутія Боровскаго (ум. въ 1478 г.), по рукописи Новгор. Соф. бібліотеки, XVІІ вѣка (№ 1357 лист. 21 и слѣд.), находится слѣдующій рассказъ.

Случился общій „моръ“, во время котораго одна „монахиня“ умерла и потомъ „помалѣ возвратися“ рассказала, что она видѣла въ загробномъ мірѣ. Въ раю она встрѣтила великаго князя Іоанна Даниловича, умершаго въ 6849 г. (1345), потомъ, „изшедъ оттуду (изъ рая) и мѣста мученія не дошедъ и видѣ одръ и на немъ пса лежаща одѣяна шубою съ боліею. Она же вопроси водящаго ея, глаголя: си что естъ сіе. Онъ же рече: се естъ щербетникъ агариниѣ милостивый добродѣтельный, и неизреченныя ради его милостыни избави его Богъ отъ муки; а яко не потщася стяжати истинную вѣру христіанскую и не породися водою и духомъ, не достоинъ естъ внити въ рай, по господню словеси: кто не родится водою и духомъ не увидеть въ царствіе небесное. Толико же бѣ милостивъ, всѣхъ искупая отъ всякія бѣды и отъ долгу искупаше, и по ордамъ посылалъ и плевыны христіаны искупая пущаше, и неточію человекѣ, но и птица отъ уловившихъ искупая пущаше. Показа же Господь по человѣческому обычаю зловѣрія ради его въ пѣсіемъ образѣ ¹⁾, милостыни же честное многоцѣнною шубою объяви, его же покрываемъ избавленіе вѣчныя муки знаменова. Тамо убо невѣрныхъ душа не въ пѣсіемъ образѣ будутъ, ниже шубами покрываются, но яко же рѣхъ (sic) псомъ зловѣріе его объявивъ, шубою же честное (sic) милостыню. Виждь ми величество милости яко невѣрнымъ помогаетъ. Потомъ же веде ея въ мѣсто мученія и многи видѣ тамо вмукахъ, ихъ же сложиша по житію ихъ и обретеса истина.... Видѣ тамо въ огни человекѣ велика суща въ здѣшней славі, латынскія вѣры суща, именемъ Витовта Краля, и мурина страшна стояща и емлюща клещами изъ огня златица, и въ ротъ мечуща ему и глаголюще сице: насытиса окаянне. И другаго человекѣ, въ сей жизни прозваніемъ Петеля,

¹⁾ Представленіе кинокефаловъ, «песьяголовцевъ» — древнеязыческое; изображеніе кинокефаловъ очень часто встрѣчается на египетскихъ похоронныхъ памятникахъ и означаеъ здѣсь «злыхъ геніевъ» — см. Rouge, *Ritual funér.* pag. VIII planch. VIII; pag. XIX, planch. XVII—XVIII.

ниже у велика зело и славна чловѣка любимъ бысть и отъ таковы притча (sic) неправедно стяжа множество богатства: и того видя нага и огорѣвши яко главню и носящи обоеми горстми златица и вѣмъ глаголаша: възмите, возьмите И никто же рачаше взяти. И сія показана бысть чловѣческимъ обычаемъ, яко неправды ради и лихонмства и сребролюбія и немилосердія таково осужденіе прія. Тамо бо осужденніи не имуть ни златиць, ни сребрениць и даемъ никто же требуетъ ихъ взяти, по показа Господь тѣхъ образомъ чесо ради осуждени быша, не точію тѣхъ, но и добродѣтели прилежащихъ тѣлеснымъ образомъ показываетъ чесо ради спасени быша“ (Лист. 22 об. и 23).

Далѣе, въ той же статьѣ сообщается разсказъ Пафнутія Боровскаго: умеръ одинъ милостивый чловѣкъ, разсказываетъ онъ, и было откровеніе нѣкому другому, который видѣлъ, будто этотъ чловѣкъ

„Приведенъ бѣ къ рѣцѣ огненной, а на другой сторонѣ рѣкы мѣсто златно и свѣтло зѣло и различнымъ садовіемъ украшено; не могущу же ему прейти чудное то мѣсто, страшныя ради рѣкы и се внезапно преидоша нищихъ множество и предъ ногами его начаша класти поряду, и сътворяша яко мостъ чрезъ страшную ону рѣку. Онъ же преиде по нихъ въ чудное то мѣсто. Можаше бо Богъ и безъ мосту превести рѣку ону; ипшетъ бо о Лазарѣ: несенъ ангелы на лоно Авраамле. Аще и пропасть бѣ велика промежъ праведныхъ и грѣшныхъ и не требова мосту на прешествіе, но наша ради ползы таковымъ показа осужденіе грѣшнымъ и спасеніе праведнаго.... Подобно тому и въ бесѣдахъ Григорія Двоесловца писано: чрезъ рѣку огненну мостъ, а на немъ искусы; грѣшніи же въ томъ искусѣ удержани бываху отъ бѣсовъ и въ огненну рѣку пометаемы, а на той сторонѣ рѣкы тако же мѣсто чудно и всякими добротами украшено. Праведніи же не удержани бывають тѣмъ искусомъ, но многими дерзновеніемъ переходять чудное то мѣсто. И ина многа написано о праведныхъ и грѣшныхъ по чловѣческому обычаю показася“... (лист. 23).

А. Пономаревъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки